

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2024.16.1.1

EDN: JLCNKM

Приглашать или не приглашать в социологию? Размышление над критическим эссе П. Бергера «(Не)приглашение в социологию?»

Ссылка для цитирования:

Симонова О. А., Вайзер А. В. Приглашать или не приглашать в социологию? Размышление над критическим эссе П. Бергера «(Не)приглашение в социологию?» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 1. С. 10–27. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.1>
EDN: JLCNKM

For citation:

Simonova O. A., Weiser A. V. (2024) To Invite or Not to Invite to Sociology? Thinking about P. Berger's Critical Essay "Sociology: A Disinvitation?". *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 1. P. 10–27. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.1.1>

Симонова Ольга Александровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: OSimonova@hse.ru

Вайзер Алексей Валерианович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: weiser.alexey@mail.ru

Авторы неопубликованного перевода эссе П. Л. Бергера, написанного в начале 1990-х годов и увидевшего свет в журнале "Society" (1992), показывают актуальность и удивительную своевременность этой работы для широкой читательской аудитории. Социологическая наука подчас переживает кризисы и заходит в тупики как в теории, так и в области эмпирических исследований. Современные глобальные события усугубляют эти кризисные

явления, и иногда создается впечатление, что социология больше не может справиться с исследованием и объяснением новых явлений и процессов. С точки зрения авторов, П. Л. Бергер, сетуя на недостатки современной ему социологической теории и недалекость социологов, парадоксальным образом не разочаровывается в социологии и не отталкивает от нее, а еще раз и более настойчиво приглашает заняться этой наукой, вспомнив о том, что писали и делали классики социологии.

Ключевые слова: П. Л. Бергер; социология; кризис; социологи-классики; социологическое образование

Любопытно, что критическое эссе Питера Людвиг Бергера (1929–2017) «(Не)приглашение в социологию?» (1992) фактически неизвестно профессиональной российской публике, тогда как «Приглашение в социологию» (1963) [Бергер, 1996], написанное более 60 лет назад, знают многие, прежде всего представители социальных наук, студенты и выпускники социологического бакалавриата. Поэтому заголовок «(Не)приглашение в социологию?» выглядит несколько неожиданным. Удивление от прочтения данного заголовка оказывается весьма оправданным — теперь Бергер уже не намерен приглашать в социологию? Очевидно, что взгляды Бергера эволюционировали, приняв более критический характер относительно социологии и социологов. Критическое эссе вышло в свет спустя почти тридцать лет с момента публикации «страстного», как пишет сам Бергер [Бергер, 1996], и известного всей академической среде «Приглашения...», которое он написал в начале 1960-х, параллельно осуществляя преподавательскую деятельность в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке, своей альма-матер. На тот момент социолог уже обладал научной степенью и профессорской должностью и довольно долго занимался наукой, то есть он мог создать большой и насыщенный учебник по социологической теории или по общей социологии. Однако написал он «Приглашение в социологию», которое, несмотря на то что является частью социологического образования на многих факультетах мира и способствует формированию социологического мышления и культуры, по сути учебником не является. Это книга для «дополнительного чтения», цель Бергера — «пригласить», «привлечь», «завлечь» студентов в социологию, показать ее увлекательность, сильные стороны социологического мышления, представить социологию как специфический «взгляд на вещи» и как гуманистическую перспективу, двигаясь от жизненного мира человека к системе социальных институтов. Книга оказалась настолько увлекательной, что положила начало *особому жанру* «приглашения» уже в разные области социологического знания [Bourdieu, Wacquant, 1992; Zuckerman, 2010; Bell, Ashwood, 2015; Харрис, 2020] как краткого описания дисциплины, постановки основных вопросов и подходов, где нет систематического изложения теорий и анализа эмпирических исследований, но есть знакомство с научной областью, доступное даже новичкам. «Книга эта написана для чтения,

а не для изучения. Она — не учебник, не попытка построить теоретическую систему, а приглашение в особый мир захватывающих и, как мне представляется, очень важных размышлений. Делая подобные приглашения, нужно сразу очертить границы мира, в который ведешь за собой читателя. Однако если читатель примет приглашение всерьез, то ему нельзя будет ограничиться только данной книгой» [Бергер, 1996: 8].

Некоторые коллеги Бергера критиковали этот жанр как упрощение социологической проблематики [Selznick, 1964], однако позволим себе не согласиться: социология действительно подразумевает особый подход, форму мышления, чему стоит «натренироваться», и в этом смысле такие книги выполняют функцию расширения границ мышления, необходимости «замечать», «заглядывать за фасады». В этом смысле такой жанр не сделал проще ни социологическую теорию, ни эмпирические социологические исследования, но с функцией «введения в специальность» и понимания особенностей социологического мышления справляется. В России, помимо «Приглашения в социологию», также был опубликован учебник «Социология: Биографический подход», который представляет более систематическое изложение основ социологической науки. Это уже другой жанр — введение в социологию, но в оригинальном стиле: приводя в пример разные возраста человека, П. Бергер в соавторстве со своей супругой — социологом Бриджит Бергер — рассматривает традиционные для него темы, обозначенные в «Приглашении...», такие как человек в обществе и общество в человеке [Бергер, 1996].

Профессиональная идентичность любого крупного социолога всегда многогранна: помимо теоретического подхода, традиции или направления, а также специализированной области исследования, обычно социологи создают учебники по общей социологии, которые не обязательно представляют их собственный подход, а скорее нацелены охарактеризовать социологию в целом. В известном смысле без общей социологии и соответствующего учебника, который свидетельствует о его принадлежности к социологическому образованию, а значит и воспроизводству нового поколения социологов, немислимы профессиональная карьера и идентичность. Таков и Питер Бергер, многогранность творчества которого широко известна. Бергер занимал собственные отраслевые «ниши»: в начале творческой жизни — социология религии, чуть позднее — социология знания, а затем — теория модернизации. Помимо этого, Бергер был прекрасным теоретиком и знатоком теории: социолог активно занимался преподавательской деятельностью, хорошо знал работы европейских социологов-классиков — К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др., вместе с Т. Лукманом написал трактат по феноменологической теории знания «Социальное конструирование реальности» [Бергер, Лукман, 1995] — ключевую работу по феноменологической социологии знания. В этом контексте размышления над судьбой социологии как науки и ролью профессионального социолога все время занимали Питера Бергера. Классик уделяет особое внимание способности социолога «подняться» над полем научной деятельности и оценить, в каком положении находится

дисциплина, а если это необходимо — выработать определенные принципы поддержания ее жизнеспособного состояния. Мы полагаем, что между строк своих работ Бергер указывает на императив подобного умения социолога постоянно сомневаться в правильности выбранных средств и целей. Именно это и связывает раннее бергеровское «Приглашение в социологию» и позднее «(Не)приглашение в социологию?».

Некоторые высказывания Бергера в «Приглашении...» дают основания предполагать, что классик уже тогда был разочарован в устройстве социологического знания. В его словах звучит ирония в сторону научного сообщества: «Человек бывалый читает в социологическом журнале главным образом обзоры вышедших книг и некрологи, а на социологических конференциях появляется только в том случае, если ищет работу или имеет какие-то особые интересы» [Бергер, 1996: 18]. Бергер не скрывает своего недовольства, так как основной задачей, которую он ставит перед собой в «Приглашении...», становится определение социологического стиля мышления и деятельности, чем и как должен заниматься *настоящий*, по мнению классика, социолог. Бергер не видит в качестве кредо социологической профессии ни приверженность его американских коллег статистическим, строго количественным методам, ни вообще разработку методов эмпирического исследования как основного ремесла социологов. Для Бергера социология, способная принести людям реальное знание об устройстве общества, лежит на других основаниях — это прежде всего теоретическая «попытка понять» [Бергер, 1996: 13], в силу чего работы, издающиеся на страницах американских социологических журналов, и выступления на социологических конференциях он навряд ли мог бы с уверенностью назвать социологией. Заложив эту идею, через практически тридцать лет Бергер убедится в ее актуальности и вернется к своим рассуждениям, чтобы издать небольшое критическое эссе «(Не)приглашение в социологию?» на страницах журнала “Society”, которое Бергер начинает, предвидя удивление читателя, что он сам с энтузиазмом приглашал в социологию: «Стоит ли мне раскаиваться в этом? Может быть, мне следует выступить с торжественным опровержением этого приглашения, чтобы не брать на себя ответственность за еще большее количество невинных студентов, соблазненных занятием, которое вполне может оказаться безнадежным предприятием? Полагаю, откровенного отрицательного ответа на оба вопроса будет недостаточно, поскольку я и сейчас считаю, что та социология, которую я когда-то отстаивал, на данный момент необходима как никогда, но не такой наукой занимаются большинство людей, называющих себя социологами. Есть ли какой-либо шанс изменить такое положение дел? Вероятно, нет, и по веским социологическим основаниям. Впрочем, чтобы оценивать перспективы лечения, необходимо иметь более или менее точный диагноз» [Berger, 1992: 12].

He вызывает сомнений, что это именно эссе, поскольку оно опубликовано в академическом журнале, но не в жанре научной статьи, без ссылок и в режиме свободного рассуждения. На момент его написания Бергер работает в Институте изучения экономической культуры Бостонского университета

(ISEC)¹. Он сам же основал ISEC в 1985 году, объединив в единый институционализированный исследовательский дискурс свои главные социологические интересы — религию и модернизацию. Сам социолог отмечает в эссе [Berger, 1992], что его деятельность на тот момент расходится с деятельностью большинства его американских коллег. Кроме того, с ними расходится и взгляд социолога на судьбу науки. Бергер уверен, что социология тяжело «больна» и нуждается в лечении: она плохо справляется с выполнением основных своих функций — объяснения и предсказания. В этом ключе слово “*disinvitation*” означает не только отмену приглашения, но и невыполнение наукой своих обязательств, а главным посылом эссе, или его своеобразным контрапунктом, становится следующая фраза: «В очередной раз произошло знаковое событие, которое теоретически не должно было произойти...» [Berger, 1992: 15]. Именно в ней раскрывается высокая актуальность и своевременность работы Бергера: сегодня все чаще социологи (и, конечно, представители других социальных дисциплин) разводят руками и говорят, что определенные явления стали для них неожиданностью и по логике не должны были произойти. Безусловно, это не значит, что некоторые специалисты не предвидели, к примеру, особенностей очередного экономического или политического кризиса — их рассуждения либо никто не услышал, либо они попросту были не в моде.

Если обратиться к теме выпуска, в котором было опубликовано обсуждаемое эссе, «Состояние профессиональной деятельности», то оказывается, что на страницах журнала разные социологи рассуждают о кризисном состоянии профессий в социальных науках. Некоторые из них затрагивают проблемы «безразличия» социологов к распаду Советского Союза [Hollander, 1992], к организации социологического знания и образования в университетах и профессиональных организациях [Becker, Rau, 1992]. Эссе Бергера отличается от остальных материалов номера акцентом на кризисном состоянии социологической теории в современной ему действительности, характеризующейся стремительными темпами социальных изменений, а ведь социология возникла «именно как попытка понять эти масштабные трансформации и, если угодно, достигнуть большего контроля над ними» [Berger, 1992: 12]. Это эссе написано как будто рукой мастера критического подхода вместе с определенной долей иронии и сарказма в сторону научного сообщества. Поразительно, как Бергер реализует критический потенциал социологии — критикует саму социологию и «разоблачает» своих коллег: «Понимать и, возможно, даже контролировать современность — потрясающее предложение! Нет ничего удивительного в том, что первые мэтры социологии были людьми впечатляющего ума и в большинстве случаев большой внутренней силы. Но было бы ошибочно полагать, что их последователи, сменившие множество академических поколений подряд, будут обладать сколько-нибудь сравнимыми чертами» [Berger, 1992: 12].

¹ В 2003 г. преобразован в Институт культуры, религии и международных отношений (The Institute on Culture, Religion and World Affairs, CURA).

Свободная жанровая форма эссе дает классику социологии возможность поделиться не обезличенными, а искренними переживаниями касательно болезненного состояния дисциплины и ее возможной кончины. Бергер сетует, что принцип свободы от ценностей не соблюдается, специалисты все меньше вовлечены в эмпирические исследования, но больше всего Бергера беспокоит то, что теряется тот «особый взгляд на вещи», особое видение, или перспектива, а это, собственно, и выделяет социологию из корпуса наук: «Социология в свой классический период — примерно между 1890-ми и 1930-ми годами — бралась за „большие вопросы“ того времени. Сегодня же социология по большей части избегает этих вопросов, а если не избегает, то решает их крайне абстрактным образом» [Berger, 1992: 12]. Действительно, и российские социологи отмечают, что социология утрачивает способность видения через «большие вопросы» [Покровский, Симонова, Матвеева, 2020]. Поражает: Бергер дистанцируется от своей идентичности как социолога — по роду своей службы он занимался более широкими вопросами, но по перечню его публикаций, конечно, трудно было заподозрить, что его идентичность и связи с коллегами-социологами ослабли. При этом он отмечает неуверенность в том, что сможет играть роль судьи: «Я вовсе не уверен, что могу поставить однозначный диагноз и выбрать соответствующее лечение. Я также не могу поручиться, что за все это время у меня самого выработался иммунитет ко всему, от чего страдает наша дисциплина. Однако я попытаюсь если не поставить точный диагноз и тем более назначить эффективную терапию, то хотя бы описать некоторые симптомы болезни на примере четырех важных событий, произошедших после Второй мировой войны» [Berger, 1992: 12–13].

Какие же события позволяют Бергеру определить симптомы тяжелого кризиса социологии? Безусловно, некоторые читатели уже могли догадаться. Это явления и процессы, имевшие место после Второй мировой войны, которые социология оказалась не в силах объяснить и предвидеть. События описываются Бергером не в форме абстрактных категорий, а через факты и ткань повседневной жизни, особую рациональность повседневности, которая формировалась в этих условиях. Его примеры не остаются на уровне «разговора с таксистом», социолог замечает и схватывает те обстоятельства «жизненного мира», которые были бы наиболее способны объяснить явления общераспространенные и макроуровневые. Например, когда Бергер обращается к процессу радикализации верхушки среднего класса в США, который его коллеги не смогли предугадать, он приводит следующее характерное описание эпизода из своей повседневной жизни: «Я отчетливо припоминаю эпизод в одном из районов Бруклина, где наша семья жила с середины 1960-х до конца 1970-х годов. Район находился в процессе быстрой джентрификации (и мы были частью этого процесса), а жители превращались из этнического рабочего класса в высокопрофессиональную верхушку среднего. На окнах практически каждого дома одной из улиц вывешивались, как тогда это называли, «политически корректные» плакаты в поддержку мира — „Америка, вон из Вьетнама“, „Занимайтесь любовью, а не войной“, „Спасите китов“ и тому подобное. За одним исключением: на одном доме были призывы

вроде „Поддержи наши войска во Вьетнаме“, „Помоги своей местной полиции“ и „Регистрируйте коммунистов, а не пушки“. В том доме жил пожилой инвалид, овдовевший ветеран. Однажды этого человека выселили... На следующей неделе в дом заселились новые жильцы, и окна незамедлительно обросли символами мира» [Berger, 1992: 13].

Первый пример относится к периоду, когда как в США, так и в Европе на поле политической борьбы возникают многочисленные молодежные движения, выступающие против войны во Вьетнаме, господства авторитарных режимов и шире — против устройства современного мира, представленного поколениями «отцов». Культура 1960–1970-х годов включала в себя также сексуальную революцию, эру цветного телевидения и независимого кино. Бергер характеризует их как «культурный и политический» переворот, суть которого можно выразить вопросом: «Как могло случиться, что одни из самых привилегированных людей на земле — да что там, в истории, — яростно ополчились против того самого общества, которое сделало их такими привилегированными?» [Berger, 1992: 13]. Как полагает Бергер, недостаточное социологическое понимание этого события привело к распространённому убеждению, что «поздние шестидесятые» остались в прошлом, но они «никуда не исчезли, они институционализировались как в культурном, так и в политическом плане» [Berger, 1992: 13]. Социологи оказались не способны заметить этот процесс институционализации. «Единственным более или менее убедительным социологическим объяснением произошедшего была так называемая новая классовая теория, которая ненадолго возникла в 1970-х годах, хотя с тех пор о ней ничего не слышно. Примечательно, что это объяснение имело как левую, так и правую интерпретации, сформулированные соответственно Алвином Гулднером и Ирвингом Кристолом¹. Ни одна из них не соответствовала фактам в полной мере, а задача переосмысления социологической теории классов в развитых индустриальных обществах так и осталась нерешённой... Вопрос в том, почему социологи так неумело справляются с объяснением столь масштабного феномена. В какой-то степени, вероятно, дело в нежелании менять устоявшиеся теоретические парадигмы... Но лучшее объяснение заключается в том, что множество социологов в значительной степени были частью этого явления. На сердцах поколения, тогда пришедшего в профессию и теперь перешагивающего порог среднего возраста, были выгравированы все символы мира... Иными словами, провал социологии в понимании такого развития событий был во многом обусловлен идеологическими шорами» [Berger, 1992: 13].

¹ О классовой структуре американского общества А. Гулднер рассуждает в работах "Prologue to a Theory of Revolutionary Intellectuals" (1975–1976) и "The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class" (1979). Автор расширил марксистскую трактовку социальной структуры и, кроме буржуазии и пролетариата, выделил третий, свойственный современности, «новый класс» — интеллигенцию. Роль «нового класса» на политической и экономической арене XX века, по мнению Гулднера, непрерывно возрастает. Кристал обосновывает похожую типологию и отмечает идентичную тенденцию, но из другой точки политических координат. В труде "Two Cheers for Capitalism" (1978), как отец-основатель неоконсерватизма, он упрекает «левых» интеллектуалов за их отрешённость от имперской политики.

С нашей точки зрения, Бергер указывает не только на важную лакуну в социологической теории в попытке объяснить происходящие события, но вообще лакуну в изучении классовой структуры позднесовременных обществ, которая, надо заметить, до сих пор не закрыта. На примере «провала» существовавших на тот момент классовых теорий Бергер выявляет первый симптом недуга науки — идеологическую ангажированность научного сообщества. Социологи к концу XX века все более стремятся определить собственную позицию на политических и иных ценностных системах координат, что может повлечь за собой, по мнению классика, серьезное искажение результатов их работы и своего рода нечувствительность и слепоту в отношении настоящих и грядущих социальных явлений и процессов. Бергер озвучивал эту идею еще в «Приглашении в социологию», но в рассматриваемом эссе веберовский принцип свободы от оценки звучит еще более настоятельно, он мало где соблюдается и, главное, социологи не видят в этом ничего особенного.

Второй пример, указывающий на «кризис социологии», касается фундаментальных изменений в некоторых странах Восточной Азии, продемонстрировавших удивительный экономический подъем и процветание, и одновременно соответствующей стагнации «социалистических» обществ «от Индокитая до стран Карибского бассейна». Он показывает, как «проваливается» единая концепция модерна и общего представления о развитии обществ, основанная на марксистских теориях, согласно которым должно произойти ровно обратное. «Так, в конце шестидесятых годов теория модернизации потерпела крах и была разоблачена как идеология западного империализма. В то время левые социологи разрабатывали так называемую теорию зависимости, согласно которой капитализм с необходимостью способствует отставанию в развитии, а спасением, естественно, должен был стать социализм. Между эмпирическими и теоретическими исследованиями в этот момент наблюдалась странная синхронность» [Berger, 1992: 14]. Теория модернизации не смогла справиться с объяснением подъема «азиатских тигров» на мировой арене, поэтому социологами была выдвинута новая версия развития восточных стран — теория зависимости (“dependency theory”)¹. В рассуждениях Бергера становится очевидным, что теорию зависимости он считает такой же колониалистской, как и ее предшественницу — теорию модернизации. При этом кратко сформулировать ту позицию, которую по мнению социолога, должна занимать наука, можно следующим образом: во-первых, изучать страны «капиталистической» Азии необходимо для понимания развития самих же западных стран, а во-вторых, при таком изучении для объяснения Азии следует использовать ее же (а не западноевропейскую) *рациональность*. Бергер

¹ Теория зависимости (“dependency theory”) — теория в области смежных социальных наук, согласно которой экономическая отсталость и продолжающаяся бедность развивающихся стран «периферии» являются результатом господства над ними развитых государств «центра». Основные положения теории зависимости берут истоки в работе социолога, президента Бразилии (1995–2003) Фернанду Э. Кардóзу и его соавтора Энцо Д. Фаллэто. Интересно, что сам Кардóзу отмечал идейные пересечения своей концепции с теорией империализма В. Ленина.

убежден в превосходстве сравнительной социологии, за которую ратовал Макс Вебер.

«Многие социологи стремятся подражать экономистам, адаптируя теоретические модели, основанные на „рационально-деятельностной парадигме“, в своих исследованиях. Мы можем с уверенностью предсказать, что интеллектуальные результаты такого подхода будут крайне схожи с таковыми в экономике. Да, социология — рациональная дисциплина, как и любая эмпирическая наука, но она не должна совершать роковую ошибку, путая свою собственную рациональность с рациональностью изучаемого мира» [Berger, 1992: 17]. Бергер подчеркивает, что теория зависимости была сфальсифицирована, но вопрос о том, как рассматривать модернизацию в других странах и на каких культурных основаниях она возможна, остался: многие социологи не смогли ответить на него, поскольку были сторонниками «левой» идеологии, а другие — сторонниками других вариантов идеологических приверженностей. Но поскольку это действительно очень «большой вопрос», он «неудобен для тех специалистов, чья перспектива парохияльно-этноцентрична¹, и для тех, кто привержен к применению методов, не позволяющих ставить «большие вопросы» [Berger, 1992: 14]. В целом Бергер пытается показать идеологические шоры разных социологов, не ограничиваясь только американскими коллегами. Как отмечалось ранее, во время написания эссе Бергер работал в Институте изучения экономической культуры. Институт специализировался на сравнительных исследованиях становления и развития демократических институтов в различных странах, на изучении влияния религии и культуры на экономическую систему [Руткевич, 2011]. Здесь Бергер писал работы как раз о «множественном» модерне и глобализации. «Модернизация — великая преобразующая сила в современном мире, но это не однородный, механический процесс. Она принимает разные формы, вызывает разные реакции. Вот почему социология, научная дисциплина *par excellence* для понимания современности, должна быть сравнительной. Это, безусловно, было одним из ключевых положений Вебера, и сегодня оно актуально как никогда. Оно означает, что социологи должны смотреть на Японию, чтобы понять, как устроен Запад, на социализм, чтобы понять, что представляет из себя капитализм, на Индию, чтобы понять Бразилию, и так далее. Парохиялизм в социологии — это не просто культурный дефицит, это причина сокрушительных провалов восприятия происходящего» [Berger, 1992: 17].

Те же идеологические и рациональные искажения Бергер демонстрирует на своем третьем примере — «обрушении» концепции секуляризации, которая в 1950–1960-е годы казалась вполне обоснованной. В ней в самом общем смысле утверждалось, что модернизация неизбежно ослабляет значение религии в жизни человека как на уровне социальных институтов, так

¹ Парохиялизм — это особенность мировосприятия, при которой человек сосредоточивает внимание на отдельных сторонах проблемы, а не рассматривает ее в более широком контексте. В узком смысле — предпочтение «своего» всему «чужому». Этноцентризм же характеризуется построением выводов о «другой» культуре из основания, что культура собственная является для такого рассмотрения образцом.

и на уровне индивидуального сознания, но к концу 1970-х годов оказалось, что эта теория не имеет под собой широкой эмпирической базы, и социологи принялись с большим рвением ее фальсифицировать [Berger, 1992: 15]. Бергер иронично показывает, как специалисты в области социальных наук были озадачены «возрождением» религии или ее сохраняющимся значением в западных обществах и иранской религиозной революцией. Казалось, что социологи и светские интеллектуалы не замечают и отмахиваются от того, что у них перед глазами. «Социологам трудно смириться с тем, что современный мир в значительной степени религиозен. Независимо от того, являются они левыми в политическом смысле или нет, но, когда речь заходит о религии, социологи страдают идеологической слепотой и склонны давать объяснения тому, что объяснению не поддается. Помимо идеологии, решающим фактором здесь также является парохизм. Социологи живут в действительно секуляризованной среде — в академических кругах и других институциональных контекстах индустрии профессионального знания, однако, похоже, они не больше, чем люди без специального социологического образования, застрахованы от распространенных предубеждений и делают общие выводы о мире, находясь в своем крохотном мировоззренческом закоулке» [Berger, 1992: 15–16].

Здесь необходимо отметить, что Бергер имеет в виду отчасти и собственную эволюцию взглядов на секуляризацию. Он сам — один из самых крупных специалистов в социологии религии, который оказал существенное влияние на развитие этой области. С самого начала он занимался как особенностями секуляризации, так и сохраняющейся ролью религии в жизни общества, которая если и уходит из сознания современного человека и публичной сферы общества, то продолжает присутствовать в «невидимых формах», поскольку потребность в легитимирующих основаниях социальной жизни не исчезает, а религия всегда справлялась с этой задачей. Проблема заключалась в том, что в современной жизни (Бергер это показывал на примере американского общества) сосуществуют и конкурируют между собой «религия церковей» и «гражданская религия» как средоточие светских ценностей и норм, как идеологическое ядро общества и ядро национального самосознания. Традиционные религии, возможно, и переживали кризис, но окончательно не сдали своих позиций, а, наоборот, отвоевывают свое влияние, поскольку люди до сих пор нуждаются в них. Страх перед будущим и его неопределенность порождают процессы, обратные модернизации. Поэтому здесь мы видим, что Бергер понимает свои ошибки, признает неоднозначность и неоднородность процесса секуляризации, который сопровождается процессами десекуляризации.

Как может догадаться вдумчивый читатель, четвертым примером провала социологической прозорливости стал распад Советского Союза. Бергер обозначает это событие как «всемирный крах социализма как реальности и как идеи» [Berger, 1992: 16], который бросает фундаментальный вызов социологическому пониманию современности. При этом классик продолжает иронизировать: «Как теперь относиться к переходу от социализма к капитализму?

Современные левые журналы полны мучительных попыток объяснить события, происходящие последние несколько лет в Европе и других странах, и в большинстве своем это попытки отрицать очевидное. У меня есть все основания ожидать, что социологи будут активно участвовать в этом предприятии во главе с давнишними отважными адептами теории зависимости. Можем ли мы рассчитывать, что очередная „блестящая концепция“, скажем, „независимого отставания“ (“independent underdevelopment”) каким-то образом спасет теорию?» [Berger, 1992: 16].

Здесь, на наш взгляд, Бергер подчеркивает ключевую мысль, лежащую в основании социологии как особой широкой научной перспективы, как особого способа мышления, как способа видения общества и даже как формы сознания (о которых он пишет в «Приглашении в социологию»), без которых от нее ничего не остается. Эта мысль заключается в смещении фокуса внимания на проблему социального порядка, которая остается «большим вопросом», главной проблемой. Ее глубокое изучение было свойственно классикам науки: «Более интересным является вопрос не о том, почему рухнули „они“, а о том, почему не рухнули „мы“. Это базовое теоретическое основание, которое в социологической науке регулярно не принимается во внимание: проблема заключается не в социальной дезорганизации, а прежде всего в социальной организации — в браках, а не в разводах, в законопослушности, а не в преступности, в расовой согласии, а не в расовой вражде, и так далее. Мы можем с уверенностью согласиться с утверждением Яна Ромейна: „Общечеловеческие паттерны“ (“common human patterns”) — это безверие, насилие и ненависть. Эти проявления человеческой природы вряд ли нуждаются в объяснении, разве что зоологами. Требуют объяснения те случаи, когда обществам удивительным образом удается обуздать и цивилизовать эти склонности» [Berger, 1992: 16].

Таким образом, Бергер подводит итог и суммирует четыре симптома патологии науки. И вновь основной причиной возникновения всех этих симптомов, по мнению Бергера, становится интеллектуальное «отречение» от социологии в ее классическом понимании. «Парохиализм, тривиальность, рационализм и идеология. Каждый из них искажает перспективу, а их сочетание смертельно опасно. Если сравнить текущее положение дел с тем, что писали в своих трудах великие социологи-классики во главе с Максом Вебером и Эмилем Дюркгеймом, то относительно этих симптомов можно вспомнить изречение Уэсли: „Весь мир — мой приход“. Немногие социологи могли бы выразиться так сегодня, а те, у кого это получается, зачастую обнаруживают досадный недостаток исторической глубины» [Berger, 1992: 16].

Хотя Бергер дистанцируется от идентичности социолога институционально, но лично он продолжает подтверждать принципы классической социологии и не изменяет принципам своего «Приглашения...». Пророчество Бергера не сбылось — социология жива по сей день, однако «болезненные» явления, отмеченные автором, никуда не делись. Начало кризиса социологии, который послужил Бергеру стимулом к написанию этого эссе, датируется концом шестидесятых годов XX века, когда дисциплина потеряла свой «интеллектуальный центр» в лице «парадигмы» структурного функционализма. Стали

возникать и развиваться альтернативные теории — теории конфликта, этно-методология, теории обмена и др. Постепенно в силу отсутствия конвенции в фундаментальных основаниях социологического знания, в методах и задачах науки дисциплина переставала походить на социологию в ее классическом облики. Науку настигла, как выражается Бергер, «когнитивная аномия». Этот кризис продолжается до сих пор, и к нему добавляется ускоренная фрагментация знания. Развитие все большего количества «микроуровневых» и отступающих от классических традиций направлений позволяет изучать тонкие грани социальной реальности, но на этом пути вряд ли возможна постановка «больших» вопросов, а если и возможна, то под рукой не окажется необходимой теоретической перспективы. «Здесь нужна социология в ее классическом понимании, основанная на знании истории, методологически гибкая и проникнутая космополитическим духом бесконечного любопытства ко всем проявлениям человеческой жизни. Излишне говорить, что социологов, владеющих подобным ремеслом, найти довольно сложно. Того хуже, можно сказать, что и процесс обучения, и система вознаграждений в этой профессии хитрым образом (хотя, возможно, и неумышленно) устроены так, чтобы такие специалисты не появлялись» [Berger, 1992: 14–15].

Усугубляется положение тем фактом, что социология подвержена разным модам, среди которых может быть, следуя мысли А.Б. Гофмана, даже мода на «противоречивость и бессмысленность развиваемых положений» [Покровский, Симонова, Матвеева, 2020: 55]. Еще более опасной может быть мода на подчеркивание своих политических и прочих предпочтений и привязанностей, о которой пишет Бергер в рассматриваемом эссе. Действительно, среди разных и в том числе выдающихся специалистов по сей день эта мода не угасает, они обозначают свою позицию, или *standpoint*, в пространстве ценностей и политических интересов, тем самым признавая собственную предубежденность, как бы желая защитить себя и в определенном смысле снять с себя ответственность за свои суждения и результаты исследований (например, Э. Иллуз в своих блестящих работах, наполненных критикой современного мира, неоднократно подчеркивает, что ее собственное видение имеет гендерную окраску и продиктовано ценностями женского активизма [Иллуз, 2020]). Однако Бергер недвусмысленно дает понять, что тезис о невозможности свободы от ценностей *неверен*. Поэтому основным выводом данной работы можно считать, что главная опасность таится не в смерти социологии как таковой, а в отказе от принципа свободы от ценностей, от стремления к объективности. В целом стремление дистанцироваться от собственных приверженностей через их публичное признание не является предосудительным, но с точки зрения Бергера оно может оказаться опасным, поскольку замыкает специалиста в рамках логики отдельной перспективы. «Худшим последствием идеологизации дисциплины, произошедшим в 1960-е и 1970-е годы, стало стойкое убеждение, что объективность и „свобода от ценностей“ невозможны и что социологи, осознавая это, должны действовать исключительно как адвокаты определенной точки зрения. Такая позиция вовсе не ограничивается левыми взглядами... Противоядием от „ложного идеала“ объективности стала

„немецкая наука“, а самая тонкая формулировка пропагандистской науки принадлежала не кому-нибудь, а покойному доктору Геббельсу: „Истина — это то, что служит немецкому народу“» [Berger, 1992: 17].

По мнению Бергера, социолог постоянно нуждается в преодолении границ своего видения, ему нужны глубинное знание истории и опыт других культур, чтобы выйти за рамки своего жизненного мира. Бергер уже высказывал подобную идею в «Приглашении...», но спустя тридцать лет он смог разглядеть предположительную причину существования парохиализма в науке — тенденции предпочитать все «свое» всему «чужому». Согласно Бергеру, проблему, порождающую закрытость мышления и неготовность ученых обращаться к «иным» проявлениям человеческой жизни, следует искать в устройстве институтов образовательной подготовки и непосредственной академической работы. Об этом явно недостаточно говорят отечественные социологи, а ведь это важнейшее условие воспроизводства и развития социологической научной области.

Интеллектуальные рецепты борьбы с кризисом и тип теоретизирования, предлагаемые и используемые Бергером, во многом созвучны критическому подходу Ч. Р. Миллса, отстаиваемому в работе «Социологическое воображение» [Миллс, 2001]: то же восхищение классиками, критика количественных методов, указание на ригидность теории. «В определенной степени мои критические замечания сходны с теми, которые Ч. Райт Миллс приводит в своей работе „Социологическое воображение“... Нам неизвестно, что бы сделал Миллс, если бы жил в этот период. Зато мы знаем, как поступили многие его читатели, особенно те, на кого его критика произвела наибольшее впечатление. Они погрузились в идеологический бред, в основном базирующийся на марксистских и квазимарксистских предположениях, которые, казалось, служили лекарством от всех болезней нашей дисциплины» [Berger, 1992: 17].

Бергер, настаивая на специфичности и необходимости социологической перспективы, отмечает, что к концу XX века социология потеряла свою идентичность. Она одарила своими инструментами другие социальные науки, позабыв при этом о самой себе. «Пропускная способность» границ социологического метода резко возросла — социология осталась помалу везде и нигде в чистом виде. Вероятно, Миллс не был бы против подобной интерпретации, однако его концепция «социологического воображения» подразумевает несколько иную позицию: «*Каждый сам себе методолог!*» [Миллс, 2001: 72]. Но насколько продуктивен такой принцип? Не стоит ли социологии, наоборот, укреплять собственные методологические границы, быть более разборчивой и критичной в заимствованиях, как полагает Бергер? Теперь уже можно поставить и следующий вопрос: не обусловлена ли возможная кончина социологии проникновением в нее «постмодерна», стирающего границы между научным и ненаучным знанием [Гофман, 2021]? Всем, кто заинтересован в прочтении этого эссе и чьи притязания лежат в области социологии, стоит уделить пристальное внимание этим вопросам.

В заключение Бергер еще раз подчеркивает одну из важнейших, как нам кажется, для его творчества идей: человеческие действия могут быть удивительны в своей «контрфинальности»: люди способны действовать намеренно и при этом порождать непреднамеренные последствия. Эта мысль развивалась им в «Приглашении в социологию» и позже в работе «Реинтерпретативная социология» [Berger, 1981], и также акцентируется в этом эссе. Специфика «реинтерпретативной» социологии, в частности, заключается в постоянном внимании социолога к сложности и многообразию значений и смыслов, которыми руководствуются люди в своих действиях, а также в так называемом «когнитивном» уважении к идеалам, верованиям, мнениям людей разных групп и культур [Руткевич, 2011]. Для этого социология должна иметь при себе надежные теоретические инструменты и крепкий иммунитет, чтобы оставаться способной к объяснению человеческих действий, иначе ей как дисциплине грозит смертельная участь. Именно поэтому прогнозы столь пессимистичны: «Но есть ли возможность у социологии избежать такой участи? Я в этом совсем не уверен. Патологический процесс зашел слишком далеко. Но можно поразмышлять о некоторых условиях, которые способны изменить ход судьбы. По существу, приведенные выше наблюдения уже наметили необходимые шаги: мы говорим о социологии, которая возвращается к большим вопросам классической эпохи, социологии космополитической и методологически гибкой, а также категорически антиидеологической. Но каковы институциональные требования для такого разворота? Очевидно, он не может быть осуществлен с помощью конференций, манифестов и других поверхностных интеллектуальных усилий. Возрождение дисциплины должно базироваться на одной или нескольких академических программах, по которым учатся социологи, вероятно, в элитных университетах (хотя и к сожалению). И этот процесс должен находиться в руках молодых людей, у кого впереди два или более десятилетий активной профессиональной жизни, — потому что именно это и потребует. Возможно ли все это? Скорее всего, нет» [Berger, 1992: 18].

Учитывая вышесказанное, мы можем занять, правда, более взвешенную позицию, снижающую градус критики Бергера: социология всегда будет в кризисе, поскольку вынуждена изучать (все ускоряющиеся) социальные изменения и не всегда успевает объяснить и тем более предвидеть определенный исход. Ежи Шацкий писал о социологии как о «дочери кризиса» [Шацкий, 2018: 500–501], выделяя его причины, отмеченные выше, и добавляя к ним утрату «господства американской социологии» [Шацкий, 2018: 501], которую Бергер также имеет в виду. Видимо, социология во многом обречена на кризисы. Бергер же не просто указывает на наличие патологии, а выдвигает предположения, откуда эта патология могла возникнуть и как, если не побороть, то смягчить существующий и все последующие кризисы науки. Возможное решение, которое предлагает автор молодым социологам, заключается в стремлении изучать общество, опираясь на глубинное историческое знание, питая любопытство к разнообразным формам человеческой жизни и не боясь при этом браться за «большие вопросы». «Неотъемлемой частью подготовки каждого социолога должно быть детальное знание хотя бы одного общества, сильно

отличающегося от его собственного, что в качестве условия предполагает подвиг, от совершения которого, как правило, уклоняются многие студенты: изучение иностранных языков» [Berger, 1992: 17].

Пророческими оказались заключительные строки предисловия к «Приглашению...» Г.С. Батыгина: «...и другие бергеровские труды, которые, несомненно, будут переведены на русский язык, приглашают прилежного читателя размышлять над причинами и возможными последствиями событий» [Бергер, 1996: 7]. Несмотря на пессимистические прогнозы, несмотря на практически безнадежную оценку социологического образования, эссе «(Не)приглашение в социологию?» обретает сопоставимую с «Приглашением...», если не бóльшую, мотивационную силу. Наверное, этим объясняется вопросительный знак в конце оригинального провокативного заголовка "*Sociology: A Disinvitation?*". Отмена приглашения в социологию, сделанная в данном эссе, парадоксальным образом не отменяет основных положений одноименной книги, а делает их более настоятельными, поскольку Бергер верен своей изначальной позиции: социология как теоретико-методологическая перспектива уникальна, и именно эта наука в наивысшей степени подвержена ошибкам, заблуждениям и в том числе политическим привязанностям. Однако в социологии также заключен высокий потенциал, базирующийся на фундаменте, заложенном классиками.

В заключение отметим, что желание перевести эссе Бергера было продиктовано, помимо прочего, недостаточным, на наш взгляд, вниманием к социологическому наследию автора, хотя на русский язык переведено несколько его крупных и значимых работ [См. Бергер, 2004; Бергер, 1994; Бергер, 2019]. Мы надеемся, что данное эссе, которое можно без труда найти и прочитать на английском языке, повысит интерес молодого поколения социологов к творчеству Питера Бергера и, что наиболее важно, заставит задуматься над тем, что ожидает социологическую науку в будущем.

Литература

Бергер П.Л. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / Пер. с англ. Г.П. Бляблиной. М.: Прогресс; Универс, 1994.

Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / Под ред. Г.С. Батыгина / Пер. с англ. О.А. Оберемко. М.: Аспект пресс, 1996.

Бергер П.Л. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / Под ред. С.И. Елагиной / Пер. с англ. Р. Сафроновой. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология / Пер с англ. В.Ф. Ануриной. М.: Академический проект, 2004. EDN: [QOCTFX](#)

Гофман А.Б. «Интер», «мульти», «транс», и «пост»: социология, дисциплинарность и постмодернизм // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 15–25. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013028-3> EDN: [HJAWRU](#)

Иллюз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / Пер. с англ. С.В. Сидоровой. М.; Б.: Директ-Медиа Паблишинг, 2020.

Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / Под ред. Г. С. Батыгина / Пер. с англ. О. А. Оберемко. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001.

Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона / Пер. с англ. В. В. Саповой. М.: Аспект Пресс, 2004.

Покровский Н. Е., Симонова О. А., Матвеева Е. В. Социология и общество в XXI веке: кризисы и образы будущего (круглый стол) // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 50–59. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009157-5> EDN: EWHOEQ

Руткевич Е. Д. Питер Бергер — полвека творческого пути // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 114–123. EDN: LVYJGT

Харрис С. Приглашение в социологию эмоций / Пер. с англ. О. А. Симоновой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2308-7> EDN: NZEOHZ

Шацкий Е. История социологической мысли. Том 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Becker H. S., Rau W. C. Sociology in the 1990s // Society. 1992. Vol. 30. № 1. P. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719108>

Bell M. M., Ashwood L. L. An Invitation to Environmental Sociology. New York: Sage Publications, 2015.

Berger P. L. Sociology: A Disinvitation? // Society. 1992. Vol. 30. № 1. P. 12–18. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719100>

Berger P., Kellner H. Sociology Reinterpreted: An Essay on Method and Vocation. New York: Anchor Press, 1981.

Bourdieu P., Wacquant L. J. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Hollander P. Sociology and the Collapse of Communism // Society. 1992. Vol. 30. № 1. P. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719102>

Selznick P. Review of Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective // American Sociological Review. 1964. № 29. P. 285–286. DOI: <https://doi.org/10.2307/1317637>

Zuckerman P. Invitation to the Sociology of Religion. London: Routledge, 2010.

Сведения об авторах:

Симонова Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **Email:** OSimonova@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 681658; **ORCID:** 0000-0003-4231-7076; **Researcher ID:** I-3652-2015.

Вайзер Алексей Валерианович — студент бакалавриата, бакалаврская программа «Социология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **Email:** weiser.alexey@mail.ru. **ORCID:** 0009-0008-8693-1901.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2023

Принята к публикации: 17.12.2023

ВАК: 5.4.1

Berger P., Kellner H. (1981) *Sociology Reinterpreted: An Essay on Method and Vocation*. New York: Anchor Press.

Bourdieu P., Wacquant L. J. (1992) *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.

Gofman A. B. (2021) "Inter", "multi", "trans", i "post": sociologiya, disciplinarnost i postmodernizm. ["Inter", "Multi", "Trans" and "Post": Sociology, Disciplinarity and Postmodernism]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2. P. 15–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013028-3>

Harris S. (2020) *Priglasenie v sociologiyu emocij* [An Invitation to the Sociology of Emotions]. Transl. from Eng. by O. A. Simonova. Moscow: Izd. dom VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2308-7>

Hollander P. (1992) Sociology and the Collapse of Communism. *Society*. Vol. 30. No. 1. P. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02719102>

Illouz E. (2020) *Pochemu lyubov ranit? Sociologicheskoe obyasnienie* [Why Does Love Hurt? Sociological Explanation]. Transl. from Eng. by S. V. Sidorova. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publishing. (In Russ.)

Mills Ch.R. (2001) *Sociologicheskoe voobrazhenie* [The Sociological Imagination]. Ed. by G. S. Batygin. Transl. from Eng. by O. A. Oberemko. Moscow: Izdatelskij Dom NOTA BENE.

Pokrovsky N. E., Simonova O. A., Matveeva E. V. (2020) Sociologiya i obshchestvo v XXI veke: krizisy i obrazy budushhego (kruglyj stol) [Sociology and Society in the Twenty-First Century: Crisis and Images of the Future (A Round Table Discussion)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 50–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009157-5>

Rutkevich E. D. (2011) Piter Berger — polveka tvorcheskogo puti [Peter Berger — Half a Century of Creative Effort]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 114–123. (In Russ.).

Selznick P. (1964) Review of Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective. *American Sociological Review*. No. 29. P. 285–286. DOI: <https://doi.org/10.2307/1317637>

Shaczkij E. (2018) *Istoriya sociologicheskoy mysli* [History of Sociological Thought]. Vol. 1–2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Zuckerman P. (2010) *Invitation to the Sociology of Religion*. London: Routledge.

Authors bio:

Olga A. Simonova — Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of the General Sociology, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. **Email:** OSimonova@hse.ru. **RSCI Author ID:** 681658; **ORCID:** 0000-0003-4231-7076; **Researcher ID:** I-3652-2015.

Alexey V. Weiser — Bachelor Student, Bachelor's Program "Sociology", HSE University, Moscow, Russia. **Email:** weiser.alexey@mail.ru. **ORCID:** 0009-0008-8693-1901.

Received: 16.11.2023

Accepted: 17.12.2023